

УДК 93

РАЗВИТИЕ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЮГА РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

ГРИГОРОВА Виктория Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии,
Воронежский государственный технический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена важному этапу развития мелкотоварного производства, связанного с появлением мелких предприятий кустарного типа, на базе которых зарождалось капиталистическое производство. На территории Черноземного юга России в пореформенный период они составляли основу промышленности региона. Предприятия кустарей отличались от простого товарного производства по величине прибыли, капитала и числу наемных работников. Автор проанализировала социально-экономические изменения в развитии кустарной промышленности региона, происходившие во второй половине XIX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кустарная промышленность, кустары, Черноземный юг России, мелкие кустарные предприятия, пореформенный период.

GRIGOROVA V.A.,
Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of History and Political Science
Voronezh State Technical University

DEVELOPMENT OF HANDICRAFT INDUSTRIES IN THE BLACK EARTH (CHERNOZEM) SOUTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF 19th CENTURY: SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCIES

ABSTRACT. The article is focused on an important stage in the development of small-scale production related to the emergence of small-scale artisanal type businesses, on which the nascent capitalist production was based. They formed the basis of the regional industry on the territory of the Black Earth south of Russia in the post-reform period. Handicraftsmen's enterprises differed from simple commodity production in profit margin, capital and number of employees. The author analyzes the social and economic changes in the development of cottage industries in the region occurring in the second half of the 19th century.

KEY WORDS: cottage industries, artisans, Black Earth south of Russia, small artisanal enterprises, post-reform period.

Актуальность исследования процесса развития кустарной промышленности в пореформенный период объясняется необходимостью восполнения пробела отечественной историографии, которая отличается неравномерностью изучения различных аспектов мелкотоварного производства. В общероссийской и краеведческой литературе вопрос, связанный с выявлением особенностей процесса перехода кустарных промыслов к капиталистическому способу производства, практически не изучался. В условиях возросшей регионализации общественной жизни России важен и локальный характер статьи. Анализ развития мелкой промышленности кустарного типа, а также учет его результатов представляют интерес при коррекции направлений государственной политики в сфере современного предпринимательства.

Становление кустарной промышленности, которое сопровождалось появлением мелких предприятий с отсутствием паровых двигателей и общей численностью рабочих менее 16 человек, происхо-

дило на территории Черноземного юга России в пореформенный период. После осуществления буржуазных реформ, в частности отмены крепостного права, интенсивность промысловой деятельности местных жителей усилилась. Они по-прежнему испытывали земельный дефицит, им приходилось выплачивать выкупные платежи, разнообразные налоги и отрабатывать множество повинностей [1, с. 101]. Доход от обработки земли не мог покрыть всех расходов крестьян, поэтому они обращались к промыслам, отходу и работе по найму. Наиболее успешные из них, получив свободу предпринимательской деятельности, создавали собственные мелкие предприятия, которые составляли основу всей промышленности региона.

Несмотря на большое значение кустарных промыслов, на базе которых происходило становление капиталистического производства, многие вопросы развития кустарной промышленности до сих пор остаются дискуссионными. Одним из них является

научно-теоретическое обоснование развития мелко-товарного производства [14, с. 145–148].

Исследователи предлагали различные трактовки термина «кустарная промышленность», общим в которых был учет экономических показателей – характера производства и сбыта. В соответствии с ними «кустарная промышленность» рассматривалась в качестве мелкой, семейной организации производства товаров на сбыт, которая является подспорным видом хозяйственной деятельности при земледелии. Основные сложности были связаны с невозможностью четкого соотнесения «кустарной промышленности» с конкретной формой промышленности. Один и тот же кустарь одновременно мог производить товары для собственного потребления, работать на конкретного потребителя по заказу и изготавливать изделия для продажи на рынках. Также разногласия вызывал социальный фактор, предполагающий рассмотрение непосредственных производителей в качестве сельского или городского населения.

Не меньшие дебаты были связаны с определением основных признаков кустарной промышленности. Здесь ученые придерживались двух противоположных позиций. Большинство исследователей основным признаком кустарной промышленности считали подспорный характер промыслов по отношению к земледелию. Другая позиция экономистов заключалась в устранении в качестве коренного признака кустарной промышленности связи кустаря с землей. Они подчеркивали значение семейной организации кустарного производства.

Несмотря на дискуссионный характер вопроса, общепризнанной являлась роль мелкой кустарной промышленности в зарождении капиталистического способа производства в России. Она выражалась в создании промышленных заведений среди непосредственных производителей, а также в использовании наемных рабочих в производственном процессе. Причем данный процесс находился в тесной связи с расширением товарного производства, которое стало возможным по мере развития мелкой кустарной промышленности и перерастания мастерских кустарей в мелкие предприятия. Появлявшиеся предприятия крестьян расшатывали натурально-хозяйственную базу деревни, подрывали вековые патриархальные устои, создавая тем самым условия для победы капиталистического способа производства.

Следовательно, анализ различных точек зрения в определении терминологии позволил автору заключить, что под «кустарной промышленностью» следует понимать такой вид мелкой обрабатывающей промышленности, в которой преобладает ручной труд, как с семейной организацией производства (домашняя промышленность), так и с применением наемного труда, ориентированный на рынок и не подчиненный ведению фабричной инспекции.

Процесс ее становления на территории Черноземного юга России сопровождался различными социально-экономическими изменениями, важнейшим из которых был рост промышленного населения в регионе. Его динамика была выявлена на основе сравнительного анализа данных земской статистики и результатов первой Всероссийской переписи населения.

По итогам исследования в регионе в период с 1880 по 1900 гг. регистрировалось увеличение численности мелких товаропроизводителей от 1,4 до 13 раз. Самые низкие показатели приходились на Курскую губернию, в которой в начале 1890-х гг.

насчитывалось 253 тыс. чел., а в конце десятилетия – уже 359 016 человек, занимающихся промышленной деятельностью [6, с. 177–178; 9, с. 35]. Далее в порядке возрастания значений следовала Воронежская губерния, где показатели роста были выше в четыре раза. Если в 1891 г. было 89 903 чел., то в 1897 г. – 332 742 чел. [2, с. 220–230; 3, с. 172–174, 176–178, 184–219, 229–235, 237–243]. Пятикратное превосходство наблюдалось в Тамбовской губернии, по которой значения на начало 1890-х гг. равнялись 72 045 чел., а в конце десятилетия – 329 481 чел. [4, с. 198–210; 5, с. 222–230]. Максимальные темпы роста были в Орловской губернии, составляя 13-кратное превосходство с показателями 25 464 чел. до переписи и 321 141 чел. после нее [7, с. XLIII, XLIV, XXXV, XXXVI, XXXVII; 8, с. 216–219]. Высокий темп был обусловлен особенностями системы землевладения и землепользования, которые не позволяли крестьянам заниматься исключительно сельскохозяйственной деятельностью.

Рост промышленного населения сопровождался изменением социального состава непосредственных товаропроизводителей. В пореформенный период кустари по-прежнему относились к крестьянству, которое после отмены крепостного права было представлено различными категориями. Их соотношение можно выявить на основе статистических сведений губернских земств [6, с. 179]. Так, в 1887 г. в Курской губернии 67,3% семей дарственных крестьян занимались кустарными промыслами. Такие высокие показатели объяснялись маленьким размером земельного надела. Он составлял всего лишь шесть десятин, обрабатывая которые крестьяне не могли получить излишков, а следовательно и материальной выгоды. Поэтому занятие только сельскохозяйственными работами для них было невыгодным. С целью получения дополнительного заработка дарственные крестьяне обращались к промышленной деятельности, которую они сочетали с земельскими работами.

Самый низкий процент занятости в кустарных промыслах регистрировался среди государственных крестьян. Он составлял 53,4%. Причем у четвертных крестьян промыслы развивались больше, чем у душевых. 54,5% семей четвертных крестьян от общего количества семей по всей губернии в целом, занималось кустарными промыслами. Также кустарными промыслами занималось 52,2% семей душевых крестьян.

Превосходство четвертных крестьян объяснялось особенностями существовавшей в то время практики распределения земли. В соответствии с ней душевые крестьяне, в отличие от четвертных, наделялись равными по размерам земельными наделами. Как правило, среди них отсутствовала имущественная дифференциация. Обратный процесс наблюдался среди четвертных крестьян, которые подразделялись на безземельных и владельцев больших земельных наделов. В свою очередь именно это определяло степень их занятости в промыслах. Пытаясь обеспечить свое существование, безземельные крестьяне чаще, чем владельцы земельных участков, обращались к кустарным промыслам. Промысловая деятельность для них была основной либо дополнительной и зависела от условий их землевладения.

Изменение состава мелких товаропроизводителей, помимо появления новых категорий населения, сопровождалось расширением их социальной принадлежности к мещанам. Данный процесс на территории Черноземного юга России развивался

крайне неравномерно. Самые активные темпы наблюдались в Тамбовской губернии. Здесь в 1878 г., по свидетельствам Тамбовской ремесленной управы, около 70% всех кустарей относилось к мещанам, а оставшиеся 30% распределялись между различными категориями крестьян. Причем 17,5% – приходилось на государственных крестьян и 7,5% принадлежало к безземельным крестьянам [10, л. 1–57].

Независимо от социальной принадлежности на темпы роста кустарных промыслов большое влияние оказывали условия землевладения. На территории Черноземного юга России существовала зависимость количественного состава мелких производителей от условий землевладения. Если крестьяне владели земельным наделом маленького размера, на котором ведение сельскохозяйственных работ приносило незначительную прибыль, то они с целью получения дополнительного дохода обращались к кустарным промыслам. Поэтому кустарными промыслами в основном занимались крестьяне с дарственными наделами. Затем шла категория крестьян с собственными наделами и далее – разряд государственных крестьян. Соответственно крестьяне-дворяне и дворовые люди имели в собственности наделы небольшого размера. Например, дарственный после отмены крепостного права получал надел в дар в размере 1 дес. земли на 1 чел. мужского пола. Дворовый человек освобождался вообще без земли, исключение составляли те, у которых в собственности были личные земли.

Следовательно, именно наличие «урезанных» участков земли, не всегда пригодных для ведения земледельческих работ, подталкивало местных жителей к поиску дополнительного заработка внутри своей деревни. Выходом из сложившейся ситуации представлялось занятие кустарными промыслами в свободное от полевых работ время.

Подобная ситуация отмечалась и среди государственных крестьян, поместные участки которых тоже были незначительных размеров. Здесь ситуацию осложняла необходимость их выкупа на невыгодных для крестьян условиях. В результате часть государственных крестьян обращалась к занятию кустарными промыслами, а другая часть пополняла категорию наемных рабочих заводов и фабрик. В совокупности данное разделение, наряду с маленькими размерами собственной земли, обуславливало наличие самого низкого процента семей Курской губернии, занятых в кустарных промыслах, среди государственных крестьян.

Следующим социально-экономическим изменением в развитии мелкотоварного производства на территории Черноземного юга России стало изменение соотношения отраслей мелкой кустарной промышленности в пореформенный период.

После отмены крепостного права лидирующее положение здесь стали занимать обрабатывающие и перерабатывающие промыслы. Мелкие товаропроизводители в качестве сырья использовали зерно, кожу, шерсть и так далее. Назначением изготовленных кустарных товаров оставалось преимущественно удовлетворение потребностей крестьянского деревенского населения в одежде, питании и обустройстве быта.

На территории Черноземного юга России приоритет в развитии промыслов, связанных с обработкой и переработкой продукции сельского хозяйства, наблюдался повсеместно. Например, в Воронежской губернии в 1885 г. удельный вес обозначенных промыслов составлял 36% [11, с. 435–436]. Причем

важно пояснить, что этот показатель являлся нижним пределом значений, так как при расчетах автор учитывал только одну категорию мелких товаропроизводителей – «мастер».

Согласно сведениям Губернского статистического комитета в Воронежской губернии самыми распространенными среди обрабатывающих промыслов были промыслы в сфере обработки животных продуктов и волокнистых веществ. Кроме них, были распространены промыслы и в области изготовления одежды и обуви, а также в производстве предметов домашнего обихода.

Помимо Воронежской губернии, превосходство обрабатывающих и перерабатывающих промыслов отмечалось в Тамбовской губернии. Согласно сведениям Тамбовской ремесленной управы за 1878 г., удельный вес обрабатывающих и перерабатывающих промыслов составлял 51% от общего количества всех видов промысловой деятельности крестьян. Здесь было задействовано 258 мелких товаропроизводителей в обработке и переработке сырья, 35 чел. – в производстве продуктов питания и 210 ремесленников в разнообразных промыслах, связанных с обустройством быта.

В группе обрабатывающих промыслов 63 чел. были связаны с обработкой животных продуктов и волокна, а оставшиеся 195 чел. – с переработкой, которая заключалась в изготовлении одежды и обуви для потребления местным населением [10, л. 1–57].

О приоритете обрабатывающих и перерабатывающих промыслов в регионе в пореформенный период свидетельствуют и результаты земских статистических исследований. Так, по свидетельствам земских статистов Воронежской губернии, в период с 1884 по 1891 гг. здесь числилось 46,9% мелких товаропроизводителей от общей численности населения [3, с. 172–174]. А в 1897 г. в ходе проведения первой Всеобщей переписи населения было выявлено, что на долю обрабатывающих промыслов уже приходилось 70,8% товаропроизводителей, это свидетельствовало об увеличении примерно на 24% [12, с. 128–148].

Помимо постепенного роста обрабатывающих и перерабатывающих промыслов, регистрировалось изменение соотношения их отраслей. Например, в 80-е гг. XIX в. в Воронежской губернии основная масса мелких товаропроизводителей была занята обработкой сырья животного происхождения, в основном кожи и овчины. Впоследствии уже в 1890-е гг. они перешли к волокнистому сырью. На первый план выходило новое сырье в виде волокна, и, соответственно, регистрировалось развитие таких промыслов, как веревочный, чулочный, валяльный, сукноткацкий, вместо прежних, связанных с изготовлением шуб, кожаной обуви, обработкой овчины и кожи.

Приоритет обрабатывающих и перерабатывающих промыслов в регионе, по сравнению с промыслами по производству продуктов питания и обустройства быта, подтверждают и суммы заработков мелких товаропроизводителей данных отраслей. Так, в Воронежской губернии на обрабатывающие промыслы приходилось 53% заработка мелких производителей от общей суммы дохода во всех основных отраслях мелкой промышленности. Это составляло 2 275 986 руб. от совокупных заработков других категорий населения, занятых в данной сфере производства в размере 4 294 313,2 руб. Оставшиеся 47% распределялись в таких отраслях, как переработка продуктов питания, строительные

и портняжный промыслы. Причем данное распределение отличалось неравномерностью. Так, оно равнялось 22,3%, 17,5% и 7,2% соответственно [3, с. 172–174, 176–219, 237–243; 12, с. 128–141].

Важно заметить, что, несмотря на концентрацию мелкой промышленности в сфере обрабатывающего и перерабатывающего производства, в структуре мелкотоварного производства Черноземного юга России выделялись промыслы, развитие которых объяснялось объективной необходимостью для местного населения. К их числу можно отнести извоз и кузнечный промысел [15, с. 132].

Таким образом, в заключение можно утверждать, что социально-экономические изменения в развитии кустарных промыслов в пореформенный период сопровождались динамикой роста промы-

слового населения региона, изменением социального состава мелких производителей, зависимостью темпов роста кустарных промыслов от условий землевладения, изменением структуры мелкотоварного производства. В совокупности обозначенные изменения в развитии кустарных промыслов способствовали обеспечению прочной основы для укрепления в государстве капиталистической экономики [13, с. 143]. Она была подготовлена широкой социальной базой мелкой промышленности, узкой специализацией промышленной деятельности мелких товаропроизводителей, разнообразным ассортиментом изготавливаемой качественной и дешевой кустарной продукции, а также мобильностью в отношении рыночной конъюнктуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства [Текст]. – СПб, 1897. – Т. II. – 479 с.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. IX. Воронежская губерния. Тетрадь 2 [Текст]. – СПб., 1904.
3. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии [Текст]. – Воронеж, 1897.
4. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии [Текст]. – Тамбов, 1890. – Т. XIV.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская губерния [Текст]. – СПб., 1904.
6. Курская губерния. Итоги статистических исследований [Текст]. – Курск, 1887. – 261 с.
7. Свод данных о числе кустарей и ремесленников в волостях и уездах Орловской губернии по отдельным производствам в 1913 году [Текст]. – Орел, 1913. – 381 с.
8. Материалы Комиссии 1901 г. – Ч. 1.
9. Борщик, Н.Д. Население Курской губернии по материалам Всероссийской переписи 1897 г. [Текст] / Н.Д. Борщик // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4–5.
10. Государственный архив Тамбовской губернии, ф. 155, оп. 1, д. 56.
11. Памятная книжка Воронежской губернии за 1885 г. [Текст]. – Воронеж, 1886 г.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. LXXXIV. Семипалатинская область [Текст]. – СПб., 1905.
13. Душкова, Н.А. Региональный аспект промышленной модернизации России: история и современность (на примере Воронежской области) [Текст] / Н.А. Душкова // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2014. – Т. 10. – № 5. – С. 141–146.
14. Григорова, В.А. К вопросу о научно-теоретическом обосновании мелкотоварного производства [Текст] / В.А. Григорова // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2012. – Т. 8. – № 12-1. – С. 145–148.
15. Душкова, Н.А. Исторические вехи развития кустарной металлургии на пути создания промышленного потенциала России [Текст] / Н.А. Душкова, В.А. Григорова // Клио. – 2015. – № 12. – С. 130–134.